

Впервые театр, необычный и сказочный, приходит в нашу жизнь в детстве. И сказочные герои, добрые или злые, веселые или грустные, серьезно, до слез на глазах, воспринимаются нами так тоже только в детстве. И если задуматься, то наше взрослое отношение к доброму или злему тоже начинается свой отсчет все с того же детства. Как же серьезны должны быть в своих намерениях люди, впервые знакомящие ребят от двух до пяти и так далее с делами «давно минувших дней» или с тем, что происходит сегодня рядом с нами. И как же они должны любить тех, кому ныне от двух до пяти. Потому что вера детей — самая искренняя, а радость их — самая непосредственная.

Обо всем этом наш разговор с режиссером Светланой Крассман, чьи детские спектакли в Государственном Русском драматическом театре Эстонской ССР таллинские ребята знают едва ли не наизусть.

После окончания Ленинградского Государственного института культуры имени М. К. Крупской Светлана Крассман стала помощником режиссера в Русском театре. В 1975 году поставила свой первый спектакль «Красная шапочка». С нее мы и начнем...

— Прошло уже пять лет, а пьеса-сказка Е. Шварца по-прежнему в репертуаре театра, и для меня работа над нею остается одним из самых добрых жизненных воспоминаний. Любопытна сама история появления этого спектакля на нашей сцене. Он был сделан в очень короткий срок силами комсомольцев театра и по их собственному почину.

— После «Красной шапочки» вы поставили «Кошкин дом», потом «Приключения Буратино» и, наконец, «Военную тайну». И если говорить об этих четырех спектаклях, то обращает на себя внимание, что все они поставлены, как принято говорить, по «хорошей литературе»: Шварц, Маршак, Толстой, наконец, Гайдар. Вероятно, вопрос «хорошей литературы» для вас принципиален!

— Да, конечно. Прежде всего, вопрос «хорошей литературы» — это воспитание хорошего вкуса, потому что эстетическое наслаждение, получаемое зрителем, в каком бы возрасте он ни был, начинается именно с этого.

Но выбрать пьесу — это только первый шаг, не самый трудный, кстати. Сказок, заслуживающих того, чтобы быть поставленными и ждущих своей очереди, еще немало. Самое интересное начинается позже. Скажем, распределение ролей в будущем спектакле. От него зависит если не 90 процентов, то уж во всяком случае половина успеха. И, знаете, угадать в каждом из выбираемых тобою актеров кота Василия или кота Василия из Маршака, будущего Мальчиша-Кибальчиша или Плохиша — это вопрос очень... теплый, что ли... Сейчас другое определение и не приходится как-то...

31 декабря прошлого года мы играли сотый «Кошкин

ОТ ДВУХ ДО ПЯТИ И ТАК ДАЛЕЕ...

Капитан — Театр

дом», в дни недавних весенних школьных каникул 106-й или 107-й его спектакль. И шел он так же весело и азартно, как и на первых представлениях, доставляя удовольствие не только зрителям, но и самим актерам. А это для спектакля очень важно. К чему я веду? К тому, что когда-то, вероятно, было сделано верное распределение...

Итак, оно сделано и вывешено на доске объявлений. Начинается первая репетиция, и в 11.00 все мы собираемся в репетиционном зале. Первая читка по ролям. Для меня это очень важно. Порой актеры читают так интересно, так необычно, то есть совсем не так, как ты себе это нафантазировал, представлял и уже от этого в дальнейшем зависит успех той или иной роли. Дальше начинается, наверное, самое трудное: репетиции, сцена за сценой ставится спектакль. Конечно, каждая из этих сцен должна быть подчинена одному, основному замыслу, сверхзадаче спектакля...

— ...А замысел этот определяется своим взглядом на материал, и, вероятно, одна из радостей профессии — увидеть пьесу по-своему!

— Не только радость, но и необходимость. Вспоминается недавний эпизод, связанный с работой над «Военной тайной» по сказке Аркадия Гайдара «Мальчиш-Кибальчиш».

Я хорошо знала эту сказку, этот материал, но когда мне пришлось вплотную столкнуться с ним, я вдруг подумала: «Почему Мальчиш-Плохиш назван Гайдаром именно Плохишом?». Понятно, сказка по своей форме фольклорная, условная, даже имена героев в какой-то мере обобщаются автором: Отец, Брат, Военный министр... Во всем этом есть условность, заданность какая-то.

Я долго думала: как же играть Плохиша? Ну, выйдет та-

кой толстый жадный мальчик, смешной, с веснушками, все время что-то жующий. Если бы такой Плохиш постоянно находился рядом с другими ребятами, постоянно с ними общался, постоянно предавал — они бы давно выгнали его из своей компании, из своих игр, и тем более, на войну никогда бы не взяли. Что-то было не так, не так именно с сегодняшней точки зрения. Что он такое — Плохиш для сегодняшних эрудитов и акселератов, различающих не только две краски — белую и черную? Вот тогда и пришло в голову, что Мальчиша-Плохиша должен сыграть очень обаятельный актер, очень. С хорошей улыбкой, поющий, танцующий, в общем — душа общества, в отличие от Кибальчиша, ничем, вроде бы, не выделяющегося. Такого актера я нашла, предложив роль Вячеславу Рыбникову, молодому и симпатичному. И все очень удивились, в том числе и сам актер. Я, сказал он, в жизни своей не сыграл ни одной отрицательной роли. И все-таки мы попробовали — и Плохиш действительно получился таким, каким был нужен спектаклю. Вначале очень обаятельный, но когда надо идти на войну — трусоватый, предавший, бросивший оружие. В результате, разговор в спектакле пошел уже не о каком-то физическом, но о нравственном уродстве. Об этом хотелось сказать четко, хотелось исследовать путь к предательству и путь к подвигу, понять как из самого обычного мальчика Мальчиш вырастает в героя, а «душа общества» в то же время навсегда теряет себя...

— Тот, кто видел ваши спектакли, наверняка обратил внимание, что в них в большинстве своем занята одна и та же группа артистов. А, скажем, Херардо Контеррас или Борис Трошкин «прописаны» в них постоянно.

— Только потому, что «Воен-

ная тайна» — спектакль по составу исполнителей совершенно мужской, я не смогла занять в нем Лилию Шинкареву или Екатерину Егорову, Елену Яковлеву, которых тоже очень люблю и с кем всегда работаю с большой радостью.

Действительно, есть группа артистов, которых я, как мне кажется, понимаю и которые, хочется думать, понимают меня.

Вообще же, по-моему, детский спектакль, как никакой другой, дает возможность молодому артисту «проявиться». Во взрослом спектакле он ждет такой возможности значительно дольше, чем хотелось бы. Волк, сыгранный Х. Контеррасом в «Красной шапочке» несколько лет назад, открыл в нем актерские качества, о которых многие и не подозревали, и работа актера стала своего рода событием в жизни театра. Добрую службу сослужили Кате Егоровой заяц Белоух в «Красной Шапочке» и Буратино, Лилия Шинкаревой — Кощей в сказке Маршака. Очень удачным кажется мне дебют на сцене театра Виктора Ланберга в роли Мальчиша-Кибальчиша. А как неожиданно сыграл одетого во фрак и мамишку Кота Василия Борис Трошкин в том же «Кошкином доме»...

— Светлана, у вас уже опыт нескольких детских спектаклей. Исходя из этого, вам, наверное, не трудно будет ответить на вопрос — каким же должен быть спектакль для ребят от двух до пяти и так далее!

— Думаете, не трудно? Каждый новый спектакль — всегда начало, словно до этого ты еще ничего не ставил. В одном я уверена — он должен рождать тишину, тишину сопереживания. И еще он должен быть добрым. И обязательно радостным. Доброта без радости — не доброта.

Вел беседу
Виталий АКСЕНОВ.